

На правах рукописи

Манджиева Елена Валериевна

**ИНЫЕ МЕРЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ
В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ**

Специальность: 12.00.09 – Уголовный процесс

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2020

Работа выполнена в Федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Научный руководитель: **Победкин Александр Викторович,**
доктор юридических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Гриненко Александр Викторович,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Московский государственный
институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел
Российской Федерации», профессор кафедры
уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики

Шаров Денис Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Адвокатская палата города Москвы, Московская
коллегия адвокатов «Адвокатское партнерство»,
адвокат

Ведущая организация: Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего
образования «Омская академия Министерства
внутренних дел Российской Федерации»

Защита состоится «10» декабря 2020 г. в «12» ч. «00» мин. на заседании диссертационного совета Д 203.002.01, созданного на базе ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», по адресу: 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, конференц-зал группы международного сотрудничества.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте Академии управления МВД России: <https://a.mvd.rf>.

Автореферат разослан «09» октября 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 203.002.01
кандидат юридических наук

В.В. Урбан

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Невзирая на некоторую стабилизацию, криминальная ситуация в Российской Федерации продолжает оставаться достаточно сложной. В 2019 году на фоне ежегодного снижения преступности за последние ряд лет наметился некоторый рост совершенных преступлений. По данным ГИАЦ МВД России совершено 2 024 337 преступлений (в 2017 г. – 2 058 476 преступлений, в 2018 г. – 1 991 532). Преступность остается серьезной угрозой национальной безопасности, в этой связи все имеющиеся легальные средства должны использоваться государством для противодействия преступности максимально эффективно. Несмотря на дискуссионность отнесения уголовного судопроизводства к средствам борьбы с преступностью, нельзя отрицать, что это направление государственной деятельности оказывает мощное влияние на криминогенную ситуацию в стране. Очевидно, что уголовное судопроизводство в начале XXI века при принятии действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК), ориентированное большей частью на охранительный либеральный тип, сегодня должно обладать действенными средствами реализации его назначения публичного характера, состоящего в правильном установлении обстоятельств по уголовному делу, в целях защиты населения от преступности, воспитания жителей страны в духе соблюдения отечественных законов, уважения к государству, его органам и должностным лицам. Успешное решение этой задачи во многом зависит от законности, своевременности, эффективности и оптимальности применения уголовно-процессуального принуждения.

Статистика свидетельствует о достаточно активном стремлении правоприменителя опираться сегодня на жесткие принудительные меры, хотя законодатель предлагает достаточно широкий их спектр. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации заключение под стражу для правоприменителя длительное время – наиболее желательная мера пресечения (в 2017 г. судами избиралось в 113 269 случаях, в 2018 г. – в 102 205 случаях, в первой половине 2019 г. – 47 951 раз, что на порядок больше других мер пресечения, правом на избрание которых наделен суд); активно применяются и другие меры процессуального принуждения, требующие судебного решения. Например, ходатайства о наложении ареста на имущество в 2017 г. удовлетворялись в 39 753 случаях, в 2018 г. – в 35 830 случаях, в первой половине 2019 г. – в 18 194 случаях). Часто задачи уголовного судопроизводства приходится решать путем применения принуждения при производстве следственных действий (так, выемка и (или) обыск в жилище разрешены судом в 2017 г. – 117 964 раз, в 2018 г. – 120 772 раза, в первой половине 2019 г. – 62 114 раза; выемка предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях в 2017 г., производилась – 66 764 раза, в 2018 г. – 62 683 раза, в первой половине 2019 г. – 31 910 раз; ходатайства о наложении ареста на корреспонденцию, разрешение на ее осмотр и выемку в учреждениях связи

удовлетворялись судом в 2017 г. в 13 593 случаях, в 2018 г. – в 9 709 случаях, в первой половине 2019 г. – в 3 744 случаях и т.д.).

Не вызывает сомнений, что соразмерное и справедливое применение принудительных мер обусловлено целым спектром многочисленных факторов, в числе которых правильное понимание правоприменителем места принудительного средства в системе процессуальных гарантий, а также цели и основания его применения, связь с обеспечиваемыми процессуальными действиями или решениями.

В УПК законодатель впервые комплексно в отдельном разделе УПК достаточно детально урегулировал основания и порядок применения некоторых мер принуждения и сделал попытку регламентировать их систему, включающую в себя задержание, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения.

Однако, предложенная законодателем система мер процессуального принуждения не может быть признана в полной мере совершенной, а некоторыми новеллами законодатель лишь обострил проблемы как теории, так и практики. Нельзя сказать, что законодатель не видит недостатков процессуальной регламентации избрания и применения мер принуждения, постоянно совершенствуя уголовно-процессуальный закон в этом направлении. Вместе с тем, фрагментарные корректировки закона вряд ли приведут к желаемой цели до тех пор, пока не будет решен ряд принципиально важных вопросов, в числе которых – соотношение принуждения, мер принуждения и добровольного следования обязанностям; роль принуждения и конкретных мер принуждения как средства убеждения, место принуждения при производстве различных процессуальных, в частности следственных действий.

Решение этих вопросов во многом определяется правильным пониманием системы, так называемых «иных мер процессуального принуждения», предложенных законодателем в качестве системы в гл. 14 УПК. Использованный законодателем эпитет «иные» порождает целый комплекс проблем: исчерпываются ли все «иные» меры принуждения теми, которые предусмотрены в гл. 14 УПК, по какому признаку они систематизированы, объединяют ли их общие цели и основания, для обеспечения каких конкретно процессуальных действий они предназначены, в сочетании с какими иными мерами принуждения они могут применяться, к каким участникам, каким видом принуждения охватываются принудительные средства, находящиеся за пределами раздела IV УПК и др.

От решения этих вопросов зависит адекватное толкование и применение мер принуждения как предусмотренных в гл. 14 УПК, так и регламентированных в других его структурных элементах (мер пресечения, принуждения при производстве следственных действий, процессуальной ответственности).

Представляется, что недостаточная законодательная активность в части совершенствования именно «иных мер процессуального принуждения» обусловлена, прежде всего, выше обозначенными нерешенными вопросами концептуального характера. Пути совершенствования положений гл. 14 УПК,

да и вообще системы мер принуждения, законодателю недоступны, поскольку отсутствует ясность в решениях, реализованных сегодня. В частности, видимых аргументов, потребовавших от законодателя объединить в одну главу (гл. 14 УПК) ряд разнородных процессуальных действий, из текста УПК не усматривается, что отрицательно влияет на стройность процессуальной теории процессуального принуждения в целом и правоприменительную практику в этой части.

При нерешенности вопросов, связанных с понятием, системой, признаками, классификацией иных мер процессуального принуждения, отграничением их от других процессуальных мер, в том числе принудительного характера, невозможно системно разрешить проблему целей и оснований их применения и гарантий, обеспечивающих при этом должный уровень защиты прав человека.

Указанные выше обстоятельства определили выбор темы диссертационного исследования и в полной мере обуславливают его актуальность.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. В уголовно-процессуальной теории уголовно-процессуальному принуждению, мерам принуждения в целом, институту иных мер уголовно-процессуального принуждения в частности, на протяжении длительного времени уделялось большое внимание.

Сущность и основные признаки принуждения исследовались в трудах российских, советских и зарубежных ученых. Принуждения касались в своих трудах и видные философы, мыслители: И. Бентам, Н.И. Бердяев, Ж.Л. Бержель, Г.Д. Берман, М. Вебер, Г.В.Ф. Гегель, В.М. Гессен, Т. Гоббс, И.А. Ильин, И. Кант, К. Локк, Н. Макиавелли, В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой, А. Шопенгауэр и др. Их труды – фундамент прикладного осмысления принуждения, в том числе – в различных отраслях права.

С позиций теории права вопросы принуждения широко исследовались С.С. Алексеевым, В.Д. Ардашкиным, Б.Т. Базылевым, С.Н. Братусем, Н.В. Витруком, О.С. Иоффе, С.Н. Кожевниковым, В.М. Корельским, О.Э. Лейстом, Н.В. Макареико, И.А. Ребане, В.В. Серегиной, С.Г. Чукиным, М.Д. Шаргородским и другими авторами.

Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве также подвергалось глубокому научному исследованию. В тех или иных аспектах оно получило освещение в работах В.А. Азарова, Л.Б. Алексеевой, О.И. Андреевой, Л.К. Айвар, А.С. Барабаша, В.П. Божьева, Б.Б. Булатова, Я.Ю. Бурлаковой, А.Д. Бурякова, Е.Г. Васильевой, С.Н. Воробей, С.И. Вершининой, Г.Н. Ветровой, Б.Я. Гаврилова, Э.Р. Галимова, И.В. Головинской, В.Н. Григорьева, А.В. Гриненко, Н.А. Громова, А.П. Гуляева, И.М. Гуткина, С.И. Даниловой, И.Ф. Демидова, З.Д. Еникеева, О.А. Зайцева, З.З. Зинатуллина, Д.Р. Исева, Н.И. Капинуса, Л.М. Карнеевой, З.Ф. Ковриги, Н.Н. Ковтуна, В.М. Корнукова, Г.В. Костылева, Ф.М. Кудина, Э.К. Кутуева, Э.Ф. Куцовой, А.М. Ларина, Ю.Д. Лившица, П.А. Лупинской, В.Ю. Мельникова, В.А. Михайлова, Р.М. Муртазина, В.В. Николюка, Ю.Г. Овчинникова,

Р.В. Орлова, И.Л. Петрухина, Д.С. Пикельного, Ю.Б. Плоткиной, К.В. Попова, В.П. Проценко, А.А. Рукавишниковой, С.Б. Россинского, В.М. Савицкого, А.В. Смирнова, А.И. Сергеева, М.С. Строговича, А.В. Тарасова, Н.В. Ткачевой, И.М. Хапаева, О.В. Химичевой, О.И. Цоколовой, А.Н. Чашина, М.А. Чельцова, А.В. Черенкова, В.С. Чистяковой, А.А. Чуниха, З.Х. Шагиевой, В.С. Шадрина, Р.З. Шамсутдиновой, Д.В. Шарова, С.А. Шейфера, С.П. Щербы, П.С. Элькинд и других ученых-процессуалистов.

В рамках исследования общих вопросов принуждения в уголовном процессе отдельные проблемы «иных мер процессуального принуждения» поднимались в работах А.Н. Ахпанова, М.С. Брайнина, Н.В. Бушной, С.Н. Воробей, Д.А. Воронова, И.Д. Гайнова, З.Д. Еникеева, З.З. Зинатуллина, Г.П. Ивлиева, Д.Р. Исеева, З.Ф. Ковриги, В.М. Корнукова, Э.К. Кутуева, К.В. Муравьева, Ю.Д. Лившица, А.А. Резяпова, А.В. Струкова, А.В. Тарасова.

Иные меры процессуального принуждения также подвергались исследованию как в целом, так и их отдельные виды: Г.В. Аршбой («Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве», 2004 г.), Б.Б. Булатовым, В.В. Николуком («Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК России)», 2003 г.), М.Х. Гафизовым («Денежное взыскание как мера уголовно-процессуального принуждения», 2007 г.), В.А. Ионовым («Наложение ареста на имущество при производстве предварительного расследования по уголовным делам об экономических преступлениях», 2010 г.), В.Б. Искандировым («Наложение ареста на имущество в уголовном процессе», 2012 г.), К.В. Задерако («Иные меры процессуального принуждения», 2005 г.), Ю.А. Кузовенковой («Денежное взыскание в системе мер уголовно-процессуальной ответственности», 2009 г.), Н.В. Луговцом «Задержание подозреваемого и иные меры процессуального принуждения», 2004 г.), О.Е. Михайловой («Иные меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России», 2009 г.), О.В. Никитиной («Сущность и значение судебного контроля при применении иных мер процессуального принуждения в досудебном производстве (в порядке гл. 14 УПК РФ)», 2006 г.), И.Б. Тутыниным («Наложение ареста на имущество как мера уголовно-процессуального принуждения», 2005 г.), В.И. Ханжиным («Уголовно-процессуальный порядок и организационно-тактические основы наложения ареста на имущество», 2006 г.).

В числе последних работ, посвященных иным мерам процессуального принуждения, можно отметить работы: О.В. Баландюк («Исполнение мер уголовно-процессуального принуждения», 2015 г.), Р.Г. Бикмиева («Временное отстранение от должности подозреваемого или обвиняемого в уголовном судопроизводстве: сущность, значение и правовые последствия», 2015 г.), В.Н. Гапоновой («Применение временного отстранения от должности в уголовном судопроизводстве: теоретический и организационно-правовой аспекты», 2016 г.), М.А. Соколовой («Деятельность следователя по наложению ареста на имущество», 2018 г.), Ш.М. Магомедова («Применение иных мер уголовно-процессуального принуждения», 2020 г.). Однако они посвящены в основном проблемам применения отдельных иных мер процессуального

принуждения или «иные меры процессуального принуждения» рассмотрены в рамках исследования других проблем уголовного процесса как основного предмета исследования.

При этом в большинстве работ последних лет, посвященных мерам процессуального принуждения, институт «иных мер процессуального принуждения» рассматривался большей частью как законодательная данность, в основном изолированно, без акцента на проблемы обоснованности самого его существования в виде предложенной законодателем системы и содержания. Вопрос о месте «иных мер процессуального принуждения» в системе средств принудительного характера в уголовном судопроизводстве России специальному исследованию не подвергался. В той связи исследование «иных мер процессуального принуждения» как элемента системы принуждения в уголовном процессе нуждается в актуализации и продолжении.

Объектом исследования является совокупность общественных отношений, складывающихся в ходе производства по уголовным делам при применении мер процессуального принуждения, в частности, именуемых в УПК «иными мерами процессуального принуждения».

Предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие порядок производства по уголовным делам в части применения процессуального принуждения и, прежде всего, мер, именуемых в УПК «иными мерами процессуального принуждения», практика их применения, уголовно-процессуальные нормы, действовавшие в России в прошлом, достижения теории уголовного судопроизводства по вопросам процессуального принуждения, а также правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснения судебной практики Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, касающиеся исследуемых вопросов.

Цель диссертационного исследования заключается в выработке теоретических положений о наличии оснований выделения в числе средств принудительного характера, применяемых в уголовном судопроизводстве, в качестве самостоятельной группы, мер, именуемых законодателем «иными мерами процессуального принуждения», и предложений по совершенствованию законодательства в части систематизации мер процессуального принуждения, а также отдельных рекомендаций, ориентированных на правоприменительную практику, обусловленных указанной систематизацией.

Для достижения указанной цели решены следующие задачи:

1. Охарактеризовано в целом уголовно-процессуальное принуждение как вид государственного принуждения, его значение в уголовном процессе в сочетании с убеждением.
2. Определена целостная система средств принудительного характера в уголовном судопроизводстве России.
3. Критически оценена законодательная классификация мер принуждения и определены направления ее совершенствования.
4. Выявлены исторические предпосылки формирования законодательной классификационной группы «иные меры процессуального принуждения».

5. Дана характеристика действующей системе «иных мер процессуального принуждения».

6. Раскрыты и критически рассмотрены с точки зрения системных требований цели и основания применения «иных мер процессуального принуждения», на основании чего дана оценка наличию объективной обусловленности действующей системы «иных мер процессуального принуждения».

7. Определено место норм, регулирующих «иные меры процессуального принуждения», в структуре уголовно-процессуального права.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования являются положения диалектического метода научного познания. Особенности применения «иных мер процессуального принуждения» при производстве по уголовным делам рассмотрены в развитии и взаимосвязи с иными, в том числе и общими уголовно-процессуальными проблемами (принуждение, меры принуждения, убеждение, принципы уголовного процесса, систематизация, обеспечение прав человека и т.д.), с учетом исторического опыта отечественной уголовно-процессуальной деятельности, тенденций и перспектив развития уголовного процесса в России и мире. Также использованы общенаучные методы познания: социологического исследования, анализа, синтеза, сравнения, моделирования, системного и структурного анализа и др., а также специальные научные методы: формально-юридический (подвергались анализу конкретные нормы УПК, регламентирующие применение отдельных мер принуждения, прежде всего с точки зрения их целей и оснований), сравнительно-правовой (систематизация «иных мер процессуального принуждения» изучалась в иных государствах с точки зрения применимости зарубежного опыта в России), историко-правовой (исследовалось развитие отечественного уголовно-процессуального законодательства, обусловившее действующую редакцию УПК в части систематизации норм, предусматривающих процессуальное принуждение), логико-правовой (система «иных мер процессуального принуждения» рассматривалась в общей системе уголовно-процессуального права с точки зрения положений формально-логических положений, используемых в законодательной технике) и др.

Теоретическая основа диссертационного исследования представляет собой труды отечественных ученых-процессуалистов, исследовавших вопросы государственного принуждения, уголовно-процессуального принуждения, уголовно-процессуальной ответственности, мер процессуального принуждения и непосредственно такой их разновидности, как «иные меры процессуального принуждения».

Нормативную правовую основу исследования составляют положения Конституции Российской Федерации, международно-правовые акты, уголовно-процессуальное законодательство России, в том числе, действовавшее на территории России в прошлом, законодательные акты других стран.

Эмпирическая база диссертационного исследования представлена результатами проведенного в 2018 – 2020 гг. социологического исследования и

изучения уголовных дел в г. Москве, Южном федеральном (в 6 субъектах: г. Севастополь, Республика Калмыкия, Астраханская, Волгоградская и Ростовская области, Краснодарский край) и Северо-Кавказском федеральном округах (в 5 субъектах: Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика, Северная Осетия – Алания и Ставропольский край), а также в Республике Бурятия, Самарской, Саратовской, Магаданской, Московской, Иркутской, Тульской, Ульяновской областях и Алтайском крае. Выбор субъектов исследования обусловлен, во-первых, различающейся сложившейся правоприменительной практикой в регионах, значительно удалённых друг от друга, во-вторых, наличием возможности проследить в указанных субъектах Российской Федерации общие тенденции решения значимых процессуальных проблем применения мер процессуального принуждения.

В указанных регионах проведено анкетирование 448 респондентов, из которых 196 следователей, 64 руководителя следственных подразделений органов внутренних дел и Следственного комитета Российской Федерации, 73 прокурора районных и региональных прокуратур, 75 федеральных судей, 34 дознавателя, 6 начальников подразделений дознания. Качественный состав респондентов определен с учетом их профессиональной компетенции в части применения «иных мер процессуального принуждения».

Изучено 275 уголовных дел, по которым применялись «иные меры процессуального принуждения», расследованных органами предварительного следствия и рассмотренных судами за 2014 – 2019 гг. в указанных округах и регионах.

Выбор регионов, количественный и качественный состав опрошенных работников правоприменительных органов и изученных уголовных дел позволяет сделать вывод о репрезентативности проведенного исследования.

Использованы также опубликованные статистические данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, ФКУ «ГИАЦ МВД России», Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Научная новизна диссертационного исследования определена комплексным монографическим исследованием системных связей института «иных мер процессуального принуждения» и каждого его элемента в условиях современной уголовно-процессуальной регламентации и заключается в подходе к целесообразности и эффективности выделения классификационной группы «иных мер процессуального принуждения» не иначе, как при наличии не усматриваемых в настоящее время из содержания УПК признаков, объединяющих ее элементы и формирующих систему, что выступает необходимым условием правильного и единообразного применения норм, регламентирующих «иные меры процессуального принуждения».

Позициями, характеризующими научную новизну диссертационного исследования, являются:

- положения об эффективности принуждения как крайнего средства в уголовном судопроизводстве только в сочетании с убеждением, к числу

элементов которого могут относиться и разъяснения возможного применения принуждения, а также об обратной пропорциональной зависимости объема в правоприменительной практике уголовно-процессуального принуждения и объема средств убеждения и воспитания;

- аргументы о системности изложения в уголовно-процессуальном законе средств принудительного характера, включая «иные меры процессуального принуждения», как действенной гарантии их эффективного применения и обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве;

- подход к принуждению в уголовном судопроизводстве как к воздействию, которое всегда выражено в самостоятельных средствах принудительного характера, не являющихся элементами процессуальных действий, имеющих иные цели, в частности следственных действий, в связи с чем иные меры процессуального принуждения никак не могут исчерпываться перечисленными в гл. 14 УПК;

- доказательство того, что в настоящее время систематизация «иных мер процессуального принуждения» проведена без достаточных оснований, в связи с чем снижает эффективность применения средств принудительного характера, предусмотренных гл. 14 УПК;

- предложения при определении варианта систематизации средств принудительного характера в законодательстве, включая меры принуждения, в том числе и «иные», исходить из связи средств принудительного характера с процессуальными действиями, ими обеспечиваемыми.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Уголовно-процессуальное принуждение с точки зрения его значения и соотношения с иными формами обеспечения правомерного поведения человека в уголовном процессе представляет собой вид государственного принуждения, применяемого в сфере уголовного судопроизводства в качестве крайнего средства, в целях обеспечения поведения участников уголовного судопроизводства (выполнения ими предписанных им обязанностей), способствующего эффективному решению задач, стоящих перед уголовным судопроизводством, посредством воздействия на указанных участников угрозой применения средств принудительного характера, либо собственно их применением на основаниях и в порядке, предусмотренных законом при исчерпанности средств убеждения, которые могут состоять и в разъяснении возможного принуждения.

1.1. Принуждение тесно связано с убеждением, находится с ним в диалектическом единстве, не может быть без него эффективным, чревато превращением в насилие. Принуждение воздействует на поведение лица двувекторно: 1) разъяснение возможных неблагоприятных последствий в случае неисполнения обязанности, в результате чего лицо действует в соответствии с возложенной обязанностью из страха ответственности; 2) реальное претворение неблагоприятных последствий в отношении лица, не выполнившего обязанность. Выполнение лицом обязанности после разъяснения возможной ответственности за ее невыполнение, однако, по причине

понимания важности правомерного поведения – результат убеждения, а не принуждения.

1.2. В современном отечественном уголовном судопроизводстве ввиду минимизации средств воспитательного характера и убеждения в ходе правоприменительной практики объективно возрастает роль принуждения, что нарушает оптимальный баланс убеждения и принуждения, снижает эффективность мер принудительного характера. В этой связи разъяснение важности исполнения процессуальных обязанностей – важное средство убеждения, применение которого в уголовном судопроизводстве следует использовать как можно более активно.

1.3. Основным критерием в отграничении принуждения от насилия выступает правомерность государственного воздействия на личность, как с точки зрения цели принуждения, его форм, так и с точки зрения обоснованности и соразмерности применения к лицу конкретной принудительной меры. Несоразмерное применение к лицу принуждения является несправедливым и представляет собой насилие также как и применение принуждения, не предусмотренного законом или в нарушение установленного порядка.

1.4. Справедливость принуждения в уголовном судопроизводстве, гарантирующая, в том числе и разграничение его с насилием, обусловлена не только соблюдением норм, предусматривающих основание и порядок применения мер принуждения, но и системностью изложения в уголовно-процессуальном законе самих средств принудительного характера, эффективностью разъяснения их содержания и убеждения в необходимости соблюдения процессуальных обязанностей.

2. Принуждение в уголовном процессе всегда выражено только в самостоятельных средствах принудительного характера, имеющих признаки правового института и автономный характер, не исключая системной связи по отношению к обеспечиваемым процессуальным действиям, даже если нормы, предусматривающие принуждение, технически расположены в числе норм, регламентирующих порядок производства обеспечиваемых действий, включая следственные.

2.1. Принудительность не может быть характеристикой никаких иных процессуальных действий, кроме конкретных средств принудительного характера, применяемых в целях обеспечения эффективной реализации самых различных процессуальных действий.

2.2. В составе правового института средств принудительного характера можно выделить две основные группы (субинститута): 1) средства принудительного характера, применяемые в отношении невластных участников судопроизводства и 2) средства принудительного характера в отношении властных участников. Подсубинститутами первого указанного института можно считать средства принудительного характера, обеспечивающие: 1) возможность производства следственных и иных процессуальных действий; 2) эффективность производства следственных действий; 3) надлежащее поведение обвиняемого, подозреваемого, лица, в отношении которого

осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера; 4) возмещение вреда, причиненного преступлением. Подсубинститутами второго названного института являются средства принудительного характера, применяемые: 1) в ходе процессуального контроля руководителем следственного органа, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания; 2) в ходе осуществления прокурорского надзора; 3) в ходе судебного контроля на досудебном производстве; 4) в ходе судебного контроля, осуществляемого на судебных стадиях.

3. Систематизация средств принудительного характера в уголовном судопроизводстве – важная гарантия предъявляемых к ним требований и является ею, только если основана на объективных характеристиках, предполагающих формирование системы: правильные целеполагание, основания, четкие критерии разграничения классификационных групп, исключающие подмену одного средства другим.

3.1. Классификация мер принуждения, использованная в УПК, не позволяет ясно понять конкретные цели, основания применения «иных мер процессуального принуждения» и их соотношение с иными средствами принудительного характера как объединенными УПК понятием «меры процессуального принуждения», так и другими, предусмотренными в УПК.

3.2. При определении варианта систематизации средств принудительного характера, включая меры процессуального принуждения, в том числе и «иные», целесообразно исходить из того, что связь средств принудительного характера с процессуальными действиями, ими обеспечиваемыми, должна усматриваться из примененной законодателем системы норм.

3.3. Законодательство Руси уже в XI – XIII веках содержало зачатки мер процессуального принуждения, которые сегодня именуется как «иные». Однако ввиду неразвитости средств воспитания и убеждения, достаточной узости задач уголовного судопроизводства в целом до принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – Устав) средства принудительного характера в основном сводились к тем, которые сегодня именуется мерами пресечения, за исключением привода и ряда принудительных мер, связанных с получением доказательств. Система мер принуждения Устава выстроена на ясных целях их применения: средства принудительного характера связаны с другими процессуальными действиями, которые этими принудительными мерами обеспечиваются. Такой подход в целом был сохранен и в дальнейшем, невзирая на изменение общественного строя, и просуществовал вплоть до принятия действующего УПК. Имея глубокие исторические корни, он позволял использовать место в системе законодательства норм, регламентирующих применение конкретного средства принудительного характера, для адекватного толкования ее целей, оснований, участников, в отношении которых она применяется, т.е. в целом для обеспечения законности процессуального принуждения.

4. В период реформы уголовно-процессуального законодательства в конце прошлого века была предложена нашедшая реализацию в действующем УПК спорная идея отказаться от системной связи ряда средств

принудительного характера с обеспечиваемыми ими действиями при отсутствии четких признаков системы «иных мер процессуального принуждения», критерия разграничения этих мер и ряда других процессуальных действий, содержащих элементы принуждения.

4.1. Положения ст. 111 УПК «Основания применения иных мер процессуального принуждения» не содержат указания на основания применения данных мер, а цель их применения определяет только в отношении отдельных участников судопроизводства и неконкретно, что создает почву для неоправданно широкого усмотрения правоприменителя.

4.2. Обязательство о явке направлено на обеспечение своевременной явки участников судопроизводства к должностному лицу, ведущему производство по уголовному делу, не имеет жесткой связи с мерами пресечения и возможным нарушением обязанности свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого являться по вызовам, представляя собой меру убеждения. В этой связи место процессуальных норм, регламентирующих обязательство о явке – в гл. 21 УПК «Общие условия предварительного расследования», где целесообразно было бы предусмотреть соответствующую статью – 161¹ УПК «Обязательство о явке» (после ст. 161 УПК «Недопустимость разглашения данных предварительного расследования», которая предусматривает аналогичную по характеру меру – меру убеждения).

4.3. Нормы, регламентирующие привод, должны располагаться в главе «Общие условия предварительного расследования» (гл. 21 УПК) в виде ст. 161² УПК «Привод», что позволит обозначить возможность применения привода при наличии соответствующих оснований для производства любых процессуальных действий и в отношении любых участников судопроизводства, за исключением должностных лиц, осуществляющих уголовный процесс. Особенности привода в судебном производстве целесообразно урегулировать в гл. 35 УПК.

4.4. Цели временного отстранения от должности в настоящее время, судя по использованной законодателем систематизации (гл. 14 УПК), не совпадают с целями мер пресечения (гл. 13 УПК). Временное отстранение от должности в системе действующего уголовно-процессуального законодательства имеет целью лишь недопущение самого факта возможной дискредитации должности, обязанности по которой выполняет лицо, в отношении которого решается вопрос о привлечении к уголовной ответственности. Учитывая, что законодатель отказался от правила применения к лицу только одной меры пресечения, целесообразно более широко использовать потенциал временного отстранения от должности и перенести положения ст. 114 УПК в гл. 13 «Меры пресечения» с наименованием «временное отстранение от выполнения обязанностей по службе (работе)», что позволило бы использовать данную меру в качестве меры пресечения наряду с другими, в том числе в ситуациях важности отстранения от выполнения обязанностей, не являющихся служебными (обязанностей по работе).

4.5. Наложение ареста на имущество при определенных в УПК целях в качестве основания применения, имеет сам факт причинения имущественного

вреда преступными действиями, доказанность которого обязывает следователя принять меры по наложению ареста на имущество вне зависимости от возможного поведения обвиняемого, подозреваемого и лиц, несущих по закону ответственность, за вред, причиненный преступлениям, или владеющих имуществом, происхождение которого может быть преступным. Таким образом, нормы, регламентирующие порядок наложения ареста на имущество, по логике закона, исходя из целей и оснований данного средства принудительного характера, относятся к числу общих условий предварительного расследования и должны быть размещены после ст. 160¹ УПК под номерами 160², 160³, 160⁴ УПК.

4.6. Денежное взыскание (ст. 117 УПК), в первую очередь, несет карательную функцию, тогда как меры принуждения в уголовном судопроизводстве направлены, прежде всего, на обеспечение нормального хода производства по уголовному делу. В этой связи функция обеспечения нормального порядка уголовного судопроизводства достигается не посредством денежного взыскания, а путем предупреждения о возможной ответственности за неисполнение процессуальных обязанностей, которая является материально-правовой категорией. В УПК следует предусмотреть ст. 161³ «Предупреждение о наложении денежного взыскания» в следующей редакции: «При разъяснении прав и обязанностей участникам уголовного судопроизводства суд, следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания предупреждают их о возможности наложения денежного взыскания за нарушение процессуальных обязанностей в порядке, предусмотренном Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях».

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что на основе полученных результатов автором обоснованы и сформулированы научные положения и выводы, которые могут внести вклад в развитие общей теории уголовного процесса, в частности в развитие учения о мерах уголовно-процессуального принуждения и непосредственно такой их разновидности, как иные меры процессуального принуждения. В диссертации обоснованы понятие, признаки, система и классификация средств принудительного характера, показано развитие правового регулирования иных мер процессуального принуждения, выявлены проблемы законодательной систематизации указанных мер принуждения, а также предложены основные направления ее оптимизации, что послужит импульсом к дальнейшему осмыслению системы средств принудительного характера в уголовном судопроизводстве.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования обоснованных и сформулированных автором научных выводов, рекомендаций в нормотворческой деятельности по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, в практической деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры, суда в целях повышения эффективности применения иных мер процессуального принуждения для решения задач уголовного судопроизводства и недопущения ошибок, влекущих незаконное и необоснованное ограничение прав граждан.

Положения диссертационного исследования могут быть использованы для подготовки учебной, методической и научной литературы по уголовно-процессуальному праву.

Достоверность результатов проведенного исследования обусловлена их обоснованностью теоретическими решениями и эмпирическими данными, полученными в ходе исследования; соответствием полученных результатов известным апробированным ранее положениям теории; строгой научной аргументацией, неоднократной апробацией.

Апробация и практическая реализация результатов диссертационного исследования.

Основные положения исследования опубликованы в 13 научных статьях, 3 из которых – в изданиях, рекомендованных перечнем ВАК при Минобрнауки России.

Результаты диссертационного исследования обсуждены на заседаниях кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, а также научных мероприятиях различного уровня, включая международную научно-практическую конференцию «Летняя школа молодых ученых – 2018» (г. Москва, Академия управления МВД России, 28 – 31 мая 2018 г.); международную научно-практическую конференцию «Взаимодействие органов внутренних дел государств-участников СНГ в противодействии преступности: современное состояние и стратегические направления развития» (г. Москва, Академия управления МВД России, 25 октября 2018 г.); международную научно-практическую конференцию «Правовое регулирование общественных отношений на Земле и в космическом пространстве» (г. Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени Академика С.П. Королева, 9 – 10 ноября 2018 г.); XX международную научно-практическую конференцию «Экстремальные ситуации, конфликты, социальное согласие» (г. Москва, Академия управления МВД России, 22 ноября 2018 г.); XVI международную научно-практическую конференцию (Кутафинские чтения) «Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции» (г. Москва, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 5 апреля 2019 г.); международный молодежный научный форум «ЛОМОНОСОВ-2019» (г. Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 9 – 10 апреля 2019 г.); всероссийскую конференцию «Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика» (г. Москва, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 11 апреля 2019 г.); международную научно-практическую конференцию «В авангарде криминалистической и уголовно-процессуальной мысли: К 90-летию Академии управления МВД России. 60-е ежегодные Криминалистические чтения» (г. Москва, Академия управления МВД России, 17 мая 2019 г.); межведомственную научно-практическую конференцию «Актуальные вопросы избрания и реализации мер принуждения в уголовном процессе» (г. Уфа, Уфимский юридический институт МВД России, 12 ноября 2019 г.); международную научно-практическую конференцию «Актуальные

проблемы теории и практики уголовного процесса» (г. Ростов-на-Дону, Ростовский юридический институт МВД России, 14 ноября 2019 г.); международную научно-практическую конференцию «Принуждение в уголовном процессе: современные проблемы и тенденции» (г. Москва, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, 5 – 6 декабря 2019 г.) и ряд форумов всероссийского и межведомственного уровня.

Результаты проведенного исследования внедрены и используются в образовательном процессе ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова», ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», а также в практической деятельности Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Калмыкия и Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Северо-Кавказскому федеральному округу (с дислокацией в городе Ессентуки Ставропольского края).

Структура диссертационной работы обусловлена совокупностью исследованных проблем и состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность и новизна исследования, излагаются его цель и задачи, объект и предмет, теоретическая и эмпирическая база, методология и методы исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость, сведения об апробации.

Первая глава **«Процессуальное принуждение в уголовном судопроизводстве: понятие, значение, средства и их систематизация»** состоит из трех **параграфов**. В первом параграфе **«Уголовно-процессуальное принуждение как вид государственного принуждения и его значение»** осмысливается сущность принуждения и его эффективность применительно к достижению назначения уголовного судопроизводства в соотношении с убеждением и в связи с отечественными духовно-нравственными и историческими традициями.

Признавая, что в любом обществе принуждение к выполнению требований нормативных актов играет значимую роль, диссертант приходит к выводу, что в российском уголовном судопроизводстве оно может приниматься населением страны, обладать необходимым уровнем эффективности только будучи основанным на духовно-нравственных традициях россиян, осмысленных и сформулированных видными отечественными философами, мыслителями, а также при условии соответствия требованиям справедливости.

Автор обращается к пониманию сути принуждения, его соотношения со свободой воли, моралью, правом, насилием классиками античной, отечественной и европейской философии (Платон, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель,

А. Шопенгауэр, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Н.М. Коркунов и др.).

Российскому философскому пониманию принуждения в целом свойственна его связь с ответственностью человека перед обществом, с его моральными устоями, проявляющимся в сущности человека, при явной субсидиарности принуждения по отношению к духовно-нравственным регуляторам общественной жизни. Эта характерная черта национального традиционного понимания принуждения является ключевой гарантией эффективного правового принуждения и в процессуальных отраслях.

В юридической науке применительно к пониманию принуждения ключевым остается вопрос о его существовании при добровольном выполнении лицом требований закона. От решения этого вопроса зависит и понимание средств принудительного характера, мер принуждения, их перечня и системы. Присоединяясь к позиции авторов, полагающих, что принуждение отсутствует, если обязанности выполняются добровольно (И.Л. Петрухин, В.А. Михайлов и др.), и дополнительно ее аргументируя, диссертант приходит к выводу, что принуждение двувекторно и действует: 1) посредством угрозы наступления негативных последствий или 2) применения к лицам, нарушившим нормативно установленные правила поведения самих этих последствий. Однако если лицо действует добровольно, даже применённая мера (например, разъяснение ответственности) не является принуждением.

Принуждение должно рассматриваться в уголовном судопроизводстве России как крайнее средство. Принуждение неразрывно связано с убеждением, к ресурсам которого необходимо обращаться в первую очередь. Убеждение предполагает и возможность использования первого обозначенного выше вектора принуждения: разъяснение возможного применения мер принуждения. Указанный вектор также двойственен: человек, выполняя обязанность добровольно, не ввиду возникшего страха перед ответственностью, даже в случае разъяснения ему возможного принуждения, действует не под принуждением. Здесь оно только возможно, если человек станет действовать под страхом возможной ответственности, а не вопреки велению собственной совести. Разъяснение возможного принуждения – метод убеждения, который в уголовном судопроизводстве следует использовать как можно более активно.

При этом диалектическая связь принуждения и убеждения не позволяет сделать иного вывода: роль принуждения при утрате воспитанием, включая разъяснение важности добросовестного исполнения процессуальных обязанностей, своего значения в ходе правоприменительной практики неизбежно возрастает. В этой связи разъяснение важности исполнения процессуальных обязанностей – важное средство убеждения, применение которого в уголовном судопроизводстве следует использовать как можно более активно.

Важно, чтобы применение принуждения к конкретным людям не воспринималось обществом как несправедливое. Принуждение, применяемое даже в форме угрозы реальной реализации, если ему не предшествовало убеждение, не может считаться справедливым. Таким образом, справедливость

принуждения в уголовном судопроизводстве обусловлена не только соблюдением норм, предусматривающих основание и порядок применения мер принуждения, но и системностью изложения в уголовно-процессуальном законе процессуальных обязанностей, самих мер принудительного характера, эффективностью разъяснения их содержания и убеждения в необходимости соблюдения.

В параграфе рассматривается вопрос разграничения принуждения и насилия. По результатам анализа обоснованных в литературе позиций автор делает вывод, что распространенное мнение о разграничении принуждения как государственного воздействия на личность и насилия по степени ограничения свободы проявления воли человека не является универсальным критерием. Представляется, основным критерием в отграничении принуждения от насилия выступает правомерность государственного воздействия на личность с точки зрения цели принуждения, самих его форм, а также обоснованности и соразмерности применения к лицу конкретной принудительной меры.

Во втором параграфе **«Средства принудительного характера в уголовном судопроизводстве России: содержание и система»** выявлено место средств принудительного характера среди иных процессуальных действий и решений, дана их классификация, показано место в их системе мер процессуального принуждения, обозначенных законодателем.

Опираясь на историю становления принуждения в уголовном судопроизводстве России, автор приходит к выводу, что и в законодательстве, и в науке длительное время основное внимание уделялось мерам пресечения, что и обусловило выделение их в самостоятельную главу УПК, и, как следствие, определение других средств принудительного характера в соотношении с мерами пресечения, что повлекло их некоторую «вторичность».

Во второй половине XIX века был заложен подход к системе средств принудительного характера как к сложной системе, в числе которых меры пресечения – только один из элементов, а сама система строится из составных частей, имеющих целью обеспечить эффективность уголовного судопроизводства на всем его протяжении и при выполнении частных задач.

Такой же подход к средствам принудительного характера развивали и ученые советского периода (М.С. Строгович, М.А. Чельцов-Бebutov, В.М. Корнуков, З.Ф. Коврига, Ф.М. Кудин, И.Л. Петрухин, А.А. Чувилев и др.).

В действующем УПК меры принуждения охватывают кроме мер пресечения, также и задержание, и жестко ограниченный круг «иных мер процессуального принуждения» (раздел IV УПК). Однако, вопрос о соотношении понятий процессуального принуждения, средств принудительного характера, мер процессуального принуждения стоит остро и сегодня.

Диссертант по результатам анализа законодательства в исторической ретроспективе и научной литературы усматривает, что отношение к системе средств принудительного характера только как к мерам, которые обеспечивают надлежащее поведение отдельных участников судопроизводства в целом, без какой-либо связи с конкретным процессуальным действием, обеспечиваемым

принуждением (как это фактически предлагается в главе 14 «Иные меры процессуального принуждения»), является ошибочным.

Уголовно-процессуальное принуждение не ограничивается только установленными в разделе IV УПК мерами, а предусматривает гораздо более широкий спектр средств, которыми обеспечивается процесс доказывания, порядок судебного разбирательства, иные этапы уголовного судопроизводства и реализация всех процессуальных институтов, выполнение своих процессуальных обязанностей, в том числе и властными участниками уголовного судопроизводства.

Автор делает вывод, что средства принудительного характера в уголовном судопроизводстве в любом случае являются мерами самостоятельными и автономными по отношению к иным действиям и решениям, в том числе и к тем, эффективность которых они обеспечивают. С этих позиций решается и один из самых спорных вопросов теории уголовного процесса о принудительных следственных действиях: следственные действия сами по себе не могут носить принудительный характер (у них другие цели, обеспечиваемые познавательной процедурой), принудительный характер имеют те средства, которые посредством принуждения обеспечивают эффективность следственных действий.

Диссертант обосновывает взгляд, согласно которому в действующем УПК понимание процессуального принуждения существенно заужено и связывается с воздействием только на участников уголовного судопроизводства, которые не осуществляют производство по уголовному делу, в то время как уголовно-процессуальные отношения, содержанием которых является воздействие одного властного субъекта на другого в целях принудительного обеспечения исполнения последним предусмотренных законом обязанностей, складываются в уголовном судопроизводстве регулярно. В этой связи в число средств принудительного характера в уголовном судопроизводстве необходимо включать и те, которые обеспечивают исполнение процессуальных обязанностей должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу.

В работе делается вывод: средства принудительного характера в уголовном процессе – не только те, которые приведены в разделе IV УПК. Они могут быть классифицированы по субъектам на две большие группы: 1) применяемые в отношении должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу; 2) применяемые в отношении участников уголовного судопроизводства, имеющих личный интерес в исходе уголовного судопроизводства, их защитников, представителей, а также участников, служащих интересам доказывания или выполняющих задачи по обеспечению нормального хода уголовного судопроизводства. Последняя группа включает в себя те средства, которые именуется законодателем как «меры процессуального принуждения», а также иные средства, применение которых позволяет обеспечить эффективное производство процессуальных действий.

Третий параграф **«Классификация мер принуждения и направления ее совершенствования»** посвящен изучению оптимальности классификации мер

принуждения (в понимании законодателя) и направлениям ее совершенствования.

В параграфе демонстрируется, что система мер принуждения (речь идет о термине, использованном законодателем – гл. 14 УПК) в уголовном судопроизводстве России обусловлена, с одной стороны, учетом правового опыта дореволюционной России, с другой – доказавшего свою действенность опыта советского уголовного судопроизводства, с третьей – особенностями духовно-нравственных основ российского общества, которые сформулированы на основе приоритета нравственного над материальным, развитости ощущения справедливости, истины, служения, долга, чести, милосердия и др.

Классификация многочисленных и разнообразных средств принудительного характера в уголовном процессе России имеет существенное теоретическое и правоприменительное значение. Проведенная по строгому критерию, в понятных целях, она не только позволяет ясно представлять особенности элементов, составляющих каждую классификационную группу, но и правильно ориентирует правоприменителя относительно цели, оснований применения средств принудительного характера, возможности их сочетания, а также участников судопроизводства, им подвергаемых.

Исторически в России меры принуждения даже структурно связывались с обеспечиваемыми процессуальными действиями, попытка объединить их в одну группу законодателем ранее не предпринималась. В теории уголовного процесса идея выделения неких «прочих» мер принуждения появляется в начале второй половины XX века, однако законодатель при этом воздерживался от использования термина «иные», равно как и любого другого термина применительно к мерам принуждения, не относящихся к перечню мер пресечения. Опираясь на данную систематизацию, правоприменитель имел возможность ясно понять целеполагание того или иного средства принудительного характера.

Классификация мер принуждения, использованная в действующем УПК, не позволяет усмотреть четкий критерий, по которому она проведена.

Меры пресечения выделены в самостоятельную главу лишь в силу законодательной, доктринальной и историко-правовой традиции. Все меры принуждения, кроме мер пресечения, по такой логике вполне могли бы считаться «иными», в том числе и задержание, и те средства, которые в разделе IV УПК вовсе не регламентированы.

Диссертант обосновывает ошибочность подхода законодателя и к наименованию и содержанию главы 14 УПК, учитывая, во-первых, прямую зависимость наличия принуждения от добровольности исполнения своих обязанностей участниками уголовного судопроизводства; во-вторых, очевидную незакрытость перечня средств принудительного характера, приведенного в гл. 14 УПК; в-третьих, отсутствие строго критерия классификации мер принуждения, использованного законодателем.

В параграфе приводятся конкретные примеры отрицательного влияния законодательного подхода к структурированию мер принуждения на правоприменительную практику (подмена одной меры другой, неясность круга

участников, к которым применяются некоторые меры принуждения и др.). Отправной позицией для классификации мер принуждения, по мнению диссертанта, должен стать посыл, согласно которому принудительные средства всегда являются самостоятельными мерами, хотя и связанными с иными процессуальными действиями, прежде всего, теми, которые они обеспечивают. Основным критерием систематизации средств принудительного характера, как представляется, должна стать связь между мерой принуждения и процессуальным действием или решением, которое им обеспечивается. Такой подход позволит использовать место норм, регламентирующих применение конкретного средства принудительного характера, среди иных процессуальных норм и институтов для адекватного толкования ее целей, оснований, участников, в отношении которых она применяется, т.е. в целом для обеспечения законности процессуального принуждения.

Глава вторая «**Система иных мер процессуального принуждения и ее место в структуре уголовно-процессуального законодательства**» посвящена изучению вопроса о месте мер, перечисленных в гл. 14 УПК, в структуре УПК.

В первом параграфе «**Становление системы иных мер процессуального принуждения**» прослеживается историческое развитие законодательного регулирования мер принуждения, которые законодатель сегодня именуется «иными». Зачатки указанных мер усматриваются в нормативных актах России уже в XI–XIII веках. В период состязательного (обвинительного) уголовного процесса в России при неразвитости публичных начал «иные» меры процессуального принуждения в основном сводятся к вопросам обеспечения явки сторон и свидетелей, где основная роль отводится самим участникам судопроизводства, имеющим возможность привлечь государственные ресурсы.

В конце XV века начинает активно развиваться розыскное начало процесса, как следствие, популярность приобретают такие меры, как задержание, «облихование», крестное целование, пытка, повальный обыск. По Судебнику 1550 г. розыскное начало начинает превалировать: стержневые методы доказывания – обыск (распрос) и пытка, лишение свободы «облихованных». В эпоху Ивана Грозного меры принуждения достаточно жестки и состоят в основном в ограничении или лишении свободы, иные меры применяется нечасто (в частности, поруки). По Соборному Уложению 1649 г. розыскной процесс начинает серьезно подавлять состязательный (обвинительный), самые применяемые меры – задержание, помещение в тюрьму на длительные сроки, приводы, битье батогами и др. При Петре I остатки обвинительного (состязательного) судопроизводства уходят в прошлое. Содержание под стражей, соответственно, остается основной мерой принуждения. При Екатерине II делаются попытки внедрить в уголовный процесс отдельные принципы, провозглашаемые мыслителями европейского Просвещения. Однако средства принудительного характера, свойственные розыскному процессу, остаются превалирующими. Некоторые черты гуманизации прослеживаются в уголовном судопроизводстве в начале

XIX века. Александр I официально отменяет пытку, хотя она применяются и далее.

Следует заметить, что до принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. средства принудительного характера в основном сводились к тем, которые сегодня именуется мерами пресечения, за исключением привода и ряда принудительных мер, связанных с получением доказательств. В целом, это объяснялось достаточной узостью задач, стоящих перед уголовным процессом, неразвитостью представлений о значимости убеждения, которое в том числе может выражаться в разъяснении возможности применения принудительных мер разного уровня жесткости в целях добиться добровольного исполнения обязанностей.

В части регламентации мер принуждения ситуация кардинально изменилась после принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г., где ряд мер принуждения, которые сегодня именуется «иными» (привод, наложение ареста на имущество, денежное взыскание, отстранение от должности), не только детально регламентировались, сопровождалось гарантиями законности и обоснованности, но и структурно связывались с действиями, которые ими и обеспечивались.

Такой подход был сохранен и в дальнейшем, невзирая на изменение общественного строя, и просуществовал вплоть до принятия действующего УПК.

Советские УПК сохраняли традицию выделения мер пресечения в отдельный структурный элемент, однако другие меры принуждения все же увязывали с «объектами», обеспечиваемыми конкретными принудительными мерами.

Например, уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. регламентировал такие меры принуждения, как меры пресечения и задержание подозреваемого, которое сохранил в том виде, в каком оно присутствовало в Уставе. Какой-либо отдельной главы, посвященной специально средствам принудительного характера, в УПК РСФСР 1922 г. равно как и в УПК 1923 г., кроме главы о мерах пресечения, не было.

В УПК РСФСР 1960 г. законодатель более детально регламентировал такие меры принуждения, как обязательство о явке, привод, отстранение от должности, наложение ареста на имущество и денежное взыскание, при этом упорно связывал «иные» меры принуждения с теми действиями, которые обеспечиваются этими мерами или вытекают из результатов их производства (например, отстранение обвиняемого от должности после предъявления обвинения).

Анализируя различные проекты уголовно-процессуального законодательства конца XX века, автор усматривает, что в отдельных из них впервые предлагалось выделить группу средств принуждения под наименованием «иные меры процессуального принуждения», однако должного теоретического обоснования такого предложения представлено не было. В действующем УПК законодатель представил новую систему мер процессуального принуждения с учетом содержания указанных проектов.

Второй параграф «Современное состояние системы иных мер процессуального принуждения» посвящен изучению оптимальности современной систематизации мер принуждения, названными законодателем «иными» в рамках одной гл. 14 УПК.

Учитывая выработанные в науке признаки правового института, диссертант применяет их в целях исследования системы «иных» мер процессуального принуждения, которые сегодня систематизированы законодателем гл. 14 УПК по нечеткому признаку и представляют часть средств принудительного характера, объединённых в институты, субинституты и подсубинституты и не заслуживают эпитета «иные».

Обосновывается вывод, что средства принудительного характера, хотя и не систематизированы законодателем в одну главу УПК, с учетом их общей характеристики – принудительное обеспечение процессуальных и следственных действий – являются самостоятельным правовым институтом. В свою очередь, в составе правового института средств принудительного характера можно выделить две основные группы (субинститута): средства принудительного характера, применяемые в отношении невластных участников судопроизводства, и принуждение в отношении властных участников. Подсубинститутами первого института можно считать средства принудительного характера, обеспечивающие: 1) возможность производства следственных и иных процессуальных действий; 2) эффективность производства следственных действий непосредственно в ходе их проведения; 3) надлежащее поведение обвиняемого, подозреваемого, лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера; 4) возмещение вреда, причиненного преступлением.

Подсубинститутами второго названного института являются средства принудительного характера, применяемые: 1) в ходе процессуального контроля руководителем следственного органа, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания; 2) в ходе осуществления прокурорского надзора; 3) в ходе судебного контроля на досудебном производстве; 4) в ходе судебного контроля, осуществляемого на судебных стадиях.

Отнесение законодателем мер, перечисленных в гл. 14 УПК, к «иным» по признаку непринадлежности к мерам пресечения и задержанию позволило объединить в данной группе меры с совершенно разными целями и основаниями применения, и при этом очевидной открытостью перечня. Так, в ст. 111 УПК вопреки ее наименованию, не приводятся основания применения иных мер процессуального принуждения, а попытка разъяснить цели применения «иных» мер принуждения явно неудачна ввиду их слишком широкой трактовки. В результате правоприменителю весьма затруднительно решить, можно ли, к примеру, применять временное отстранение от должности по основаниям, предусмотренным для мер пресечения, что именно является целью временного отстранения от должности или можно ли подвергнуть приводу эксперта и специалиста и др. Учитывая, что не решены основные концептуальные вопросы относительно классификационных оснований для иных мер процессуального принуждения, особую обеспокоенность вызывает

достаточность процессуальных гарантий при их применении, к числу которых относится и правильная систематизация уголовно-процессуальных средств, свидетельствующая об их согласованности, четком разграничении целей, задач, оснований применения.

Сегодня отсутствие четких критериев отграничения группы мер процессуального принуждения от других средств принудительного характера и разграничения подгрупп между собой на эффективности уголовно-процессуальных гарантий сказалось отрицательно. Слабость систематизации мер процессуального принуждения позволяет подменять одну меру другой, ограничивает возможности реализации права на возмещение вреда, причиненного преступлением, не позволяет ясно понимать цели и основания применения «иных» мер процессуального принуждения.

В третьем параграфе **«Цели и основания применения иных мер процессуального принуждения как факторы их систематизации в структуре уголовно-процессуального законодательства»** диссертант на основе изучения вопроса о целях и основаниях применения мер принуждения, указанных в гл. 14 УПК, предлагает оптимальный, на его взгляд, вариант систематизации норм, регламентирующих применение указанных мер.

Исходя из формулировки ч. 1 ст. 111 УПК, следует формальный и, очевидно, неверный вывод, что все перечисленные в этой статье иные меры процессуального принуждения применяются для обеспечения установленного УПК порядка производства и надлежащего исполнения приговора, тогда как для этого применяются все уголовно-процессуальные средства, тем более средства принудительного характера. Кроме того, такое широкое понимание целей применения «иных» мер процессуального принуждения предоставляет правоприменителю неоправданно широкие границы для использования данных мер, без учета объективно существующей конкретной цели каждой меры процессуального принуждения, о которой законодатель умалчивает. Не обозначены в гл. 14 УПК и основания применения «иных» мер процессуального принуждения.

Диссертант обращает внимание, что цели (основания) применения ряда иных мер принуждения сформулированы в законе с использованием неконкретных формулировок: «при необходимости», «конкретные, фактические обстоятельства», «в случае неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей...», «в случае неявки по вызову без уважительных причин» и др. Толкование таких предписаний имеет в правоприменительной практике различия, порой существенные. Так, например, временное отстранение от должности нередко подменяет меру пресечения, наложение ареста на имущество – обыск, обязательство о явке – разъяснение обязанности свидетеля являться по вызову и т.д. Так, например, 95,3% из общего числа опрошенных практических работников не могут конкретизировать цель обязательства о явке и называют таковой обеспечение нормального хода уголовного судопроизводства и надлежащего исполнения приговора; 73,9% также неконкретно видят цель временного отстранения от должности.

Применительно к каждой мере, обозначенной в гл. 14 УПК, на основе целей и оснований их применения, диссертант предлагает варианты систематизации средств принудительного характера, включая меры процессуального принуждения, в том числе и «иные», основанной на идее связи средств принудительного характера с процессуальными действиями и решениями ими обеспечиваемыми.

Обязательство о явке может являться принудительной мерой, поскольку основана на обязательстве самого участника процесса, которое он дает добровольно, и если соблюдает ее из-за страха возможного наказания, то находится под действием меры принуждения. Само по себе обязательство о явке не гарантирует явку: смысл, заложенный в ней, – предупредить о возможных неблагоприятных последствиях, которые могут наступить при применении иной меры принуждения в случае неявки. Диссертант полагает, что обязательству о явке законодатель отводит роль способа обеспечения *быстрой* явки обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, свидетеля к дознавателю, следователю и в суд при возникновении необходимости в проведении следственных или процессуальных действий. Обязательство о явке применяется в случаях, когда отсутствуют основания для избрания меры пресечения (в отношении подозреваемого, обвиняемого), а применительно к свидетелю и потерпевшему – необходимо обеспечить как можно быструю их явку. Соответственно, это средство принудительного характера не имеет жесткой связи с мерами пресечения и обязанностями свидетеля, потерпевшего являться по вызовам, оно обеспечивает лишь своевременность явки, в этой связи, как представляется, место процессуальных норм, регламентирующих обязательство о явке – в гл. 21 УПК, где целесообразно было бы предусмотреть соответствующую статью – 161¹ УПК «Обязательство о явке», как одно из общих условий предварительного расследования. К сожалению, практически половина опрошенных (49,1% от общего числа) отметили неэффективность обязательства о явке, что свидетельствует о недооценке правоприменителем методов убеждения в уголовном судопроизводстве.

По результатам анализа взглядов на сущность, цель и основания привода автор приходит к выводу, что цель привода – обеспечение производства любых следственных или иных процессуальных действий, которые невозможно произвести без участия конкретного лица (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля). Диссертант обосновывает взгляд, согласно которому, аналогично обязательству о явке, нормы, регламентирующие привод, должны располагаться в главе «Общие условия предварительного расследования» в ст. 161² УПК. Относительно особенностей привода в судебном производстве, место им должно быть найдено в гл. 35 УПК.

Вопрос о целях и основаниях временного отстранения от должности – один из наиболее сложных. В ч. 1 ст. 114 УПК они укладываются в привычную терминологию – «при необходимости». Временное отстранение от должности, как показывает статистика, не получило широкого распространения, в том числе и по причине неясности цели и оснований применения. При этом

большинство опрошенных (93,5% от общего числа) считают указанную меру принуждения высокоэффективной.

Весьма распространена точка зрения, что указанная мера принуждения применяется в целях исключения возможности для подозреваемого и обвиняемого отрицательно повлиять на ход уголовного судопроизводства, воспрепятствовать ему, т.е. фактически является мерой пресечения (В.Н. Гапонова, В.А. Михайлов, С.В. Петраков и др.). Другие авторы (Р.Х. Якупов), усматривая во временном отстранении от должности ограничение исключительно конституционного права гражданина на выбор рода деятельности и профессии, настаивают на самостоятельности этой меры принуждения относительно мер пресечения. Сегодня нередко эта мера применяется вместе с мерой пресечения, даже вместе с заключением под стражу. Однако, судя по систематизации, использованной законодателем, временное отстранение от должности сегодня не может применяться с целями, характерными для мер пресечения, иначе место этой мере было бы определено в гл. 13 УПК.

Следовательно, учитывая, что временное отстранение от должности, по логике структуры УПК, не является мерой пресечения, применение этой меры принуждения одновременно с мерой пресечения не исключается. Учитывая, что в ст. 114 УПК речь идет о временном отстранении не от работы (что было весьма актуально, например, при совершении профессиональным водителем дорожно-транспортного преступления и др.), а именно от должности, имеются достаточные основания полагать, что отстранение от должности по действующему УПК имеет целью недопущение самого факта возможной дискредитации должности, обязанности по которой выполняет подозреваемый или обвиняемый.

С учетом анализа зарубежного опыта, правоприменительной практики, точек зрения специалистов диссертант обосновывает позицию, согласно которой временное отстранение от должности как мера процессуального принуждения должна получить наименование «временное отстранение от выполнения обязанностей по службе (работе)», которую целесообразно разместить в гл. 13 «Меры пресечения», допустив одновременное применение к лицу нескольких мер процессуального принуждения.

Наложение ареста на имущество – действенная мера, направленная на возмещение вреда, причиненного преступлением, которая достаточно подробно регламентирована в гл. 14 УПК, в том числе с точки зрения ее целей. Однако основания применения данной меры пресечения остаются спорными. В ст. 115 УПК они не указаны, за исключением ссылки на некие «конкретные, фактические обстоятельства», относительно которых в науке существуют разные взгляды (И.Б. Тутынин, В.В. Кальницкий, А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский, Ю.В. Гаврилин, М.В. Соколова и др.).

Диссертант критически оценивает позицию, согласно которой для применения указанной меры процессуального принуждения необходимы какие-либо сведения, свидетельствующие о вероятности совершения с имуществом, на которое может быть наложен арест, действий, препятствующих

последующему обращению на данное имущество взыскания. По мнению диссертанта, наложение ареста на имущество применяется лишь при наличии достаточных оснований полагать причастность лица к совершению преступления, предполагаемого преступного происхождения имущества либо установленной законом материальной ответственности лица за действия подозреваемого, обвиняемого. Установив, что физическому или юридическому лицу непосредственно преступлением причинен имущественный вред, орган предварительного расследования или суд разъясняют им право предъявить гражданский иск (ст. 44 УПК), после чего закон (ст. 160¹ УПК) обязывает принять меры по обеспечению гражданского иска.

В данном случае средство принудительного характера (наложение ареста на имущество) применяется в качестве возможного потенциального принуждения. Если лицо и не собирается, и не предпринимает никаких действий по отчуждению, сокрытию, уничтожению имущества, он фактически под принуждением не находится и ни к чему не принуждается (И.Л. Петрухин). Иначе говоря, сочетание цели и основания наложения ареста на имущество свидетельствуют о том, что доказывание вероятности наступления обстоятельств, ставящих под угрозу целостность имущества, не требуется.

Таким образом, нормы, регламентирующие порядок наложения ареста на имущество, по логике закона, исходя из целей и оснований данного средства принудительного характера, должны быть размещены после ст. 160¹ УПК под номерами 160², 160³, 160⁴ УПК как общее условие предварительного расследования.

Денежное взыскание является единственной из всего арсенала принудительных средств в уголовно-процессуальном праве ярко выраженной мерой уголовно-процессуальной ответственности, которая, как показывает статистика, применяется нечасто, а результативность ее применения – крайне низка. Изучение мнений практических работников о применении иных мер уголовно-процессуального принуждения показало, что денежное взыскание применяли только 1,7% респондентов, при этом подавляющее большинство (более 90%), хотя и не применяли ее, считают, что она эффективна.

Цель наложения денежного взыскания, судя по всему, состоит в том, чтобы покарать виновного, обеспечив общую и частную превенцию, поскольку действенным средством обеспечения исполнения конкретных нарушенных процессуальных обязанностей денежное взыскание не является. Предупредительный потенциал данной меры проявляется не столько в результате ее реализации, сколько в самом факте разъяснения участникам судопроизводства последствий в виде денежного взыскания за неисполнение процессуальных обязанностей. Учитывая, что потенциал обеспечения нормального хода производства по уголовному делу несет только само разъяснение возможной ответственности за неисполнение процессуальных обязанностей, следовало бы ограничиться указанием в УПК исключительно на необходимость такого разъяснения. Сама же ответственность как материально-правовая категория из УПК должна быть исключена (С.Б. Россинский и др.) и предусмотрена в ином нормативном акте. В этой связи в УПК следует

предусмотреть ст. 161³ «Предупреждение о наложении денежного взыскания» в следующей редакции: «При разъяснении прав и обязанностей участникам уголовного судопроизводства следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания предупреждают их о возможности наложения денежного взыскания за нарушение процессуальных обязанностей в порядке, предусмотренном Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях».

В заключении кратко формулируются основные выводы по результатам исследования.

В приложениях к диссертации систематизированы результаты эмпирического исследования материалов уголовных дел, анкетирования следователей, руководителей следственных органов, дознавателей, начальников подразделений дознания, работников прокуратуры и судей.

Основные положения отражены в 13 научных статьях общим объемом 5,2 п.л.

Научные статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях, рекомендованных перечнем ВАК при Минобнауки России:

1. Манджиева Е.В. К вопросу о применении привода как иной меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / Е.В. Манджиева // Закон и право. – 2018. – № 5. – С. 115-117 (0,2 п.л.).

2. Манджиева Е.В. Основные этапы формирования института мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России. К вопросу об оптимальности структуры раздела IV УПК России / Е.В. Манджиева // Государственная служба и кадры. – 2018. – № 4. – С. 191-193 (0,9 п.л.).

3. Манджиева Е.В. Институт иных мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве: имеет ли он объективные основания? / Е.В. Манджиева // Юрист-Правоведъ. – 2019. – № 3 (90). – С. 66-72 (0,7 п.л.).

Научные статьи, опубликованные в иных научных изданиях:

4. Манджиева Е.В. К вопросу применения обязательства о явке как иной меры процессуального принуждения / Е.В. Манджиева // Летняя школа молодых ученых – 2018: сб. материалов междунар. науч. – практ. конф. – М.: Академия управления МВД России, 2018. – С. 243-248 (0,4 п.л.).

5. Манджиева Е.В. Этапы становления и развития иных мер процессуального принуждения в России / Е.В. Манджиева // Академическая мысль. – 2018. – № 4 (5). – С. 117-119 (0,3 п.л.).

6. Манджиева Е.В. Место иных мер процессуального принуждения в структуре уголовно-процессуального законодательства России / Е.В. Манджиева // Международный конкурс на лучшую научную публикацию молодых ученых – 2018: сб. материалов междунар. конк. – М.: Академия управления МВД России, 2018. – С. 196-198 (0,6 п.л.).

7. Манджиева Е.В. Иные меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России / Е.В. Манджиева // Правовое регулирование общественных отношений на Земле и в космическом пространстве: материалы международной научно-практической молодежной конференции, Самара,

9-10 ноября 2018 г. – Самара: Издательство Самарского университета, 2018. – С. 136-137 (0,1 п.л.).

8. Манджиева Е.В. Перспективы использования цифровых технологий при применении иных мер процессуального принуждения / Е.В. Манджиева // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции: в 3 ч. – Часть 3. – Москва: РГ-Пресс, 2019. – С. 292-295 (0,2 п.л.).

9. Манджиева Е.В. Цели и основания применения иных мер процессуального принуждения: необходима унификация / Е.В. Манджиева // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: [Электронное издание]: сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Ростов-на-Дону, 5 апреля 2019 г.) – Ростов н/Д: ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2019. – С. 264-268 (0,3 п.л.).

10. Манджиева Е.В. «Иные меры процессуального принуждения» как «ложная систематизация» в уголовно-процессуальном праве / Е.В. Манджиева // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019» [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2019 (0,2 п.л.).

11. Манджиева Е.В. Является ли временное отстранение от должности мерой пресечения? / Е.В. Манджиева // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции 11 апреля 2019 г. – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. – С. 413-420 (0,4 п.л.).

12. Манджиева Е.В. Соотношение задержания и заключения под стражу: принципиальны ли различия? / Е.В. Манджиева // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: [Электронное издание]: сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 14 ноября 2019 г.) – Ростов н/Д: ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2019. – С. 107-111 (0,6 п.л.).

13. Манджиева Е.В. Воспитание, убеждение и принуждение в уголовном судопроизводстве: сменить вектор [Электронный ресурс] / Е.В. Манджиева // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика (современные проблемы досудебного производства: уголовно-процессуальные, криминалистические и организационные аспекты): сб. материалов V Всерос. науч.-практ. конф. (Рязань, 6 дек. 2019 г.) – Рязань: Академия ФСИН России, 2019. – С. 153-157 (0,3 п.л.).

Манджиева Елена Валериевна

**Иные меры процессуального принуждения
в системе средств принудительного характера
в уголовном судопроизводстве России**

Подписано в печать: «08» октября 2020 г.
Формат 60x84 1/16 Объем 1,25 усл. печ. л.
Тираж 100 экз.
Заказ № 162т

Отпечатано в отделении оперативной и полиграфической печати
Академии управления МВД России
125171, г. Москва, ул. З. и А. Космодемьянских, д. 8